

Будто заранее предугадав реакцию Янь Но, заведующий Юй спокойно заговорил:

— Альфы отличаются от омег. Они от природы приспособлены к нападению, доминанты и сильны. Их железы созданы для битвы, а не для того, чтобы в них вонзали иглы. Поэтому извлечение феромонов для альфы — процедура невероятно болезненная.

— Насколько болезненная? — перебил Янь Но.

— Сопоставимо с родовыми схватками, — ответил Юй. — Вот только роды — это долгий процесс, подтачивающий организм женщины физически, тогда как извлечение феромонов заставляет альфу идти наперекор собственным инстинктам. Он понимает, что сейчас ему причинят боль, но обязан подавить импульс к самозащите. Это противоестественно для их природы, это чудовищная нагрузка и на тело, и на психику. Именно поэтому при заборе феромонов альфу приходится жестко фиксировать.

Заведующий Юй выразился мягко: «фиксировать». На деле же человека попросту связывали.

Вот теперь Янь Но понял, к чему была та хитрая ухмылка. Это же прямая провокация!

Янь Но запнулся:

— Господин Цинь...

— Связывать не нужно, — безразлично раздался голос Цинь Чжицзяня. — Делайте так. Я себя контролирую.

Заведующий Юй нахмурился, явно колеблясь:

— Но это же...

Договорить он не успел — Цинь Чжицзянь обрезал его на полуслове и поглядел на Янь Но:

— Выйди и подожди снаружи.

В процедурную для омег не допускали альф, опасаясь, что чужие феромоны спровоцируют гон или приступ ярости. В кабинете забора феромонов у альф действовал тот же запрет по той же самой причине — ведь феромоны обоих полов обладали мощным взаимным влиянием.

Однако Янь Но не сдвинулся с места.

Гордости альфам было не занимать. Они привыкли держать всё под полным контролем — разве

мог такой человек добровольно позволить скрутить себя ремнями?

Особенно альфа S-класса, подобный господину Циню.

Весь медперсонал в этой процедурной состоял исключительно из бета-мужчин — судя по всему, чтобы в случае нештатной ситуации хоть как-то скрутить разбушевавшегося пациента.

Заметив, что юноша медлит, медбрат попытался выставить его за дверь.

Заведующий Юй сам был альфой и по правилам тоже должен был покинуть кабинет, но остался и лишь поддакнул, выпроваживая Янь Но.

Тот прекрасно понял: стоит ему переступить порог, и они начнут сговариваться у него за спиной.

Хоть они с Цинь Чжицзянем знали не так долго, Янь Но успел изучить его характер. Господин Цинь привык, чтобы его слово было законом. В нём жила несгибаемая гордость, и он ни за что не допустил бы столь унижительной процедуры, как связывание.

А значит, Янь Но обязан остаться.

В юноше проснулось недюжинное упрямство.

— Я не уйду! — отрезал он.

— Что за глупости! — одновременно воскликнули заведующий и медбрат.

Янь Но уставился на Юя:

— Вы же только и ждёте, когда я выйду, чтобы уломать господина Циня дать себя связать, верно?

Застигнутый пронизательностью парня вплотную, заведующий предпочёл промолчать, тем самым лишь подтвердив догадку.

Тогда Янь Но повернулся к Цинь Чжицзяню:

— Я никуда не уйду. Я останусь с вами. Мои феромоны помогут вам успокоиться.

— Что за ребячество! — нахмурился Юй. — Да его феромоны раздавят тебя раньше, чем ты

успеешь хотя бы подумать об успокоении! Ты же в слезах от страха зайдёшься!

— Вовсе я не такой слабый! — звонко возразил Янь Но.

Среди собравшихся он был самым низкорослым, а потому, желая придать себе внушительности, задрал подбородок и с гордостью ударил себя кулаком в грудь:

— Я — лекарство господина Циня! И у меня куда больше прав находиться здесь, чем у кого бы то ни было из вас!

Цинь Чжицзяню казалось, будто он насквозь изучил натуру Янь Но.

В его представлении юноша всегда оставался кротким, застенчивым и слегка наивным омегой. Да, порой тот мог выдать пару реплик, сбивавших оппонента с толку, но в его словах всегда присутствовала железная логика — без капризов и бессмысленного упрямства.

Однако сегодняшняя выходка заставила взглянуть на него совершенно по-новому.

Оказалось, у этого омеги есть стержень, о котором Цинь Чжицзянь и не подозревал. Если Янь Но что-то вбил себе в голову, сдвинуть его с места не смог бы никто. Он был умён, проницателен, обладал гордостью и яростно отвергал любые попытки пренебречь им.

Впрочем, разве он уже не сталкивался с этим характером? В тот раз, когда не пришёл домой к ужину и забыл предупредить...

Отчего-то в груди Цинь Чжицзяня укол смеха отозвался нелепой, странной искрой. Вся ситуация казалась невероятно абсурдной.

— Пусть останется, — произнёс он неожиданно для всех. Он смотрел прямо на Янь Но, хотя обратился ко всем присутствующим: — Я верю... — Он хотел назвать парня по имени, но вовремя осёкся, поняв, что в такой обстановке это прозвучит не совсем уместно, и в последний момент изменил фразу: —...своему лекарству.

Заведующий Юй понял, что спорить бесполезно, и выскользнул за дверь.

Сам процесс забора феромонов протекал одинаково у всех полов.

Медбрат, которому впервые в жизни предстояло брать пробы у несвязанного альфы, нервничал так, что у него поджилки тряслись.

Цинь Чжицзянь опустился на край кушетки, развернулся вполоборота и расстегнул верхнюю

пуговицу рубашки.

Медбрат протянул руку, но едва его пальцы коснулись воротника, как альфа рефлекторно отпрянул.

Рука медработника так и зависла в воздухе.

— Извините, — сдержанно раздался голос Цинь Чжицзяня.

Бедолага беспомощно вздохнул, не решаясь предпринять новую попытку.

Янь Но тут же сделал шаг вперёд:

— Давайте я.

По отношению к нему барьеры Цинь Чжицзяня не срабатывали столь жёстко, и тот не стал уклоняться.

Стоило острой игле приблизиться к железе на загровке, как тело альфы заметно натянулось, точно струна.

Органы чувств альф развиты куда сильнее, чем у омег; даже не видя происходящего за спиной, они ощущают любое приближение опасности каждой клеткой.

Поняв это, Янь Но принялся осторожно, едва ощутимо высвобождать свои феромоны.

Игла коснулась кожи, слегка вдавив её. Цинь Чжицзянь вздрогнул всей спиной, но благодаря струящемуся аромату омеги сдержал порыв отшатнуться.

Сталь медленно вошла в плоть. Дикая, разрывающая боль в мгновение ока захлестнула всё тело — казалось, в загровок одновременно вонзились сотни раскалённых спиц.

Альфа смертельно побледнел. На лбу высыпала крупная испарина; человек переживал настоящую пытку.

Волна первобытной, хищной ярости вспыхнула в его феромонах, заполняя разум диким рёвом:

Убей его!

Сломай того, кто причиняет тебе боль!

Перед тобой лишь жалкий, хрупкий бета. Одно движение руки — и его шея хрустнет, как сухая ветка.

Взгляд затуманился. Внезапный приступ тошнотворной невесомости закружил голову, выбивая почву из-под ног.

Сознание стремительно уплывало, а тело переставало подчиняться воле.

И вдруг до ноздрей донёлся сладковатый, нежный аромат.

На самом деле этот запах присутствовал здесь и раньше, но лишь едва уловимыми волнами. Он пытался успокоить его, однако эффект оказывался слабым и рваным — то накатывал, то исчезал вовсе.

Ощущение складывалось отвратительное: флёр дразнил и манил, но не давал желанного облегчения, распаляя нервы до предела.

А между тем пронзительная боль в загривке продолжала терзать тело.

Два эти чувства схлестнулись внутри, и ни одно не могло одержать верх.

Альфа болезненно сдвинул брови. Ему казалось, будто он очутился в непроглядной, полной невидимых угроз тьме.

Он расправил плечи и хищно повёл шеей — раз уж эти порывы не способны прийти к согласию, пора взять всё в свои руки.

Однако не успел он поднять ладонь, как оказался в чьих-то мягких и тёплых руках.

Прижавший его к себе человек был удивительно податливым и нежным, словно облако из хлопчатобумажного шелка. Он обнял альфу и бережно спрятал его лицо у себя на шее.

Окружённый густым, убаюкивающим ароматом сладких феромонов, юноша тихо ласкал его по голове, и голос его — чистый и ласковый, подобный пению русалки над морской бездной, — баюкал сознание:

— Не шевелитесь, господин Цинь... Совсем чуть-чуть осталось.

Бушующий в жилах пожар мгновенно стих.

Лба касалась какая-то мягкая, невероятно нежная ткань. Сердце Цинь Чжицзяня пропустило

удар, а вся бесновавшаяся в крови жажда разрушения в мгновение ока задохнулась и сошла на нет.

Омега остался доволен: в его тоне прозвучала отчётливая, тёплая улыбка.

— Вот так, умница, господин Цинь просто молодец. Сейчас я досчитаю до трёх, и всё закончится.

— Три...

— Два...

— Один...

Каждая цифра лёгким пёрышком опускалась на самое сердце альфы.

Едва прозвучало последнее число, как вспышки тьмы перед глазами окончательно рассеялись.

Цинь Чжицзянь разомкнул веки и обнаружил, что Янь Но опустился перед ним на колени прямо на кушетку и крепко сжимает его в объятиях.

Альфа поднял взгляд. Юноша открыто, ослепительно улыбался ему, и эта искренняя улыбка на миг заставила Цинь Чжицзяня потерять дар речи.

Янь Но весело поднял вверх большой палец:

— Всё готово! Господин Цинь, вы были просто на высоте!

Услышав это, Цинь Чжицзянь ощутил редкое для себя смущение — мочки его ушей едва заметно вспыхнули. Он помедлил с ответом и лишь спустя пару секунд сухо проронил:

— Вам бы в детском саду работать.

Янь Но: —...